Аурингард

Эдуард Мухутдинов

SHOUT
SHARE
IT

- Эдуард Мухутдинов
  -
  - Часть 1
  - Часть 2
  - Часть 3
  - Часть 4
- notes
  - 1
  - 2

Эдуард Мухутдинов
АУРИНГАРД

Легенда о Первом Властителе Эаронда

В 9947 году П. Э. историк Хариам Ур-Бердек Аль-Ариани, более известный как Аларий Лонский, выпустил фундаментальный труд, посвященный истории и мифологии древности «Мифы Эаронда». Это издание породило немало дискуссий и споров в культурном мире, но достоинства его не оспаривал никто. Аларий Лонский впервые собрал воедино все сохранившиеся легенды и предания и расположил их в точном хронологическом порядке предполагаемого времени действий каждой из легенд. Литературная обработка была произведена на высоком уровне, Аль-Ариани был также известен как писатель, его перу принадлежат и другие произведения, среди которых «Скитания Вангоро» (9951), «Великолепные миражи» (9954) и «Экспансия» (9969).

Художественные сюжеты в «Мифах» перемежаются с толкованием некоторых понятий и слов, обычаев и традиций тех времен. Немалую ценность представляют и исторические исследования, включенные в труд. Аларий Лонский, по его собственным словам, «наслаждался духовно и физически, проникая в запутанные лабиринты истории, развязывая немыслимые узлы событий».

Легенды, включенные в труд, в большинстве своем сильно изменились за период со своего появления до тех пор, пока их начали записывать. Аларий Лонский тщательно изучил каждую и с наибольшей возможной степенью достоверности восстановил спорные фрагменты.

Самая древняя легенда «Мифов Эаронда» достигает возраста тридцати тысяч лет, через пять тысячелетий после нее следуют несколько преданий о жестоких временах Ауранской империи — реально существовавшего государственного образования, два тысячелетия охватывавшего весь Эаронд.

Множество легенд о Лангедане, Раоне, некоторых великих деятелях древности также входят в труд. Заканчиваются «Мифы Эаронда» рассказом о поэте Ларанде Аллийском, трагически погибшем в начале космической эры.

Большой интерес вызывает легенда о просихождении

Аурингарда — замка, из которого император Ауранской империи управлял своими обширными владениями. Текст, представленный ниже, является вариантом этой легенды, дополненным и доработанным в соответствии со сведениями, находящимися в архивах Эльганда. Сам Аль-Ариани мог работать только с архивами Лаанта и Энала, Эльганд был ему недоступен. Вследствие этого оригинал, хотя и претендует на правдивость, не полностью раскрывает основные события, приведшие к падению Ауранской империи, а местами и вовсе трактует происшедшее с неверной точки зрения. Здесь же большинство этих недостатков устранено.

Р. Уайт.

Часть 1

По узкой темной дороге я шел, не обращая внимания на людей, склонившихся над травою и пожирающих в несметных количествах зеленые побеги. Были то все зачарованные люди, а направлялся я к самому чародею. Великий Черный замок стоял на вершине высокой горы, и единственная вьющаяся тропка змейкой поднималась к воротам. Девять башен было у замка, три в середине были самыми высокими, похожими на главы драконьи, в небо взгляд устремившие; шесть других, по три друг против друга расположенных, как когти чудовищные выглядели. Высокая крепкая стена, замок окружающая, как громадные крылья ящера была, сложенные в круг вокруг туловища исполинского. Таким был замок чародея для моего взора, в этом обличье явился он предо мной. И не скажу, чтоб это не понравилось мне.

Долго я добирался на старом ветхом суденышке до Черного Берега, еще дольше ехал на коне к владеньям чародея. Конь мой пал от усталости несколько дней назад. Но никаких трудностей сверхъестественных я не встретил, хотя предупреждал старый ворон, что морок поджидает путника на границе владений чародейских, что чудища инфернальные нападают в пути, пришедшие чрез морские глубины и сумрак Мертвого Леса из Преисподней. Не тронул меня и колдовской туман при пересечении заветной границы. С удивлением поначалу наблюдал я за чудесами, которые чародей насадил на своей земле, и столько было их, что перестал я дивиться. Но не буду описывать их, ибо сейчас мне нет удовольствия их вспоминать.

Тогда же я наблюдал за всем лишь с интересом, и без иных чувств, ибо сердце мое было жестоким и холодным, и жизни множества людей стояли за немногими моими столетьями. Не было и восхищения, поскольку в грезах моих намного страшнее проводились опыты над жизнью, а сие воплощение находило отклик только в самых первых мечтах. Ныне же было мне безразлично.

Ехал я занять место чародея, ибо считал себя достойнее его жить в Злом Замке и творить страх на все земли моего мира. То, что чародей обращал сейчас в реальность, давным-давно воплотилось в моих мечтах, и была уверенность, что он не годится мне и во внуки в искусстве Магии.

Согласись, Черная Магия сильнее и Серой, и Белой, и любой другой, да и духи Ада охотнее помогают своим союзникам в их деле в этом подлунном мире, нежели Стихии и Ангелы — своим. Поэтому, призвав Хаффура — демона Ночи, моего бывшего

воспитателя, бывшего учителя — я отправился в путь.

Воплощение… Давно уже ясно стало мне, что не дела — самая страшное и действенное, но мысли. Мысли — вот всепобеждающая стихия, вселенская мощь, могущество над миром. Из мысли большей частью состоят бесплотные духи Стихий, Неба и глубин Преисподней, повелевающие всем, что происходит вокруг. Мысль безраздельно властвует над материей, ею можно подчинить себе думы и деяния людей, животных или вызвать слуг инфернальных, если их мысль слабее чем твоя. И что мне до возведения моих грез в реальность, если одни только размышления о них и представление всего этого пред внутренним взором неизмеримо ощутимее и мощнее жалкого физического их воплощения! Вот одна из причин, коим я обязан уверенностью своей о том, что хозяин Черного Замка слабее меня.

Ибо он свои грезы воплотил — и этим лишил их ментальной силы размышления. Я же всегда держу их при себе.

И вот достиг я замка. Длинная узкая тропинка к вершине горы, нависающей над океаном и полуостровом — ничто по сравнению с тем путем чрез полмира, что я преодолел. И остаются лишь считанные дни до того часа, когда я овладею миром. Так размышлял я, неспешно поднимаясь к черным вратам, и океанские волны с грохотом и стоном разбивались о скалы с обеих сторон тропинки. Но брызги не долетали до меня, ибо слишком высоко было для них. Вдали у горизонта собирались тучи, и ведомо мне было, что это Хаффур дожидается ночи, чтобы привести мне на помощь свои войска. Но завоевание замка началось уже сейчас, и началось оно странно, так, как не ожидал этого даже я. Поднявшись к воротам, я увидел, что они гостеприимно раскрыты.

Не задумываясь, я вошел. Слишком силен я был и без Хаффура, и не боялся

Серой Магии чародея. Даже имя свое не скрывал, ибо сам Повелитель Преисподней не смог заставить меня его силою исполнить приказ. Я лишь смеялся в лицо Черному Князю, когда предстал он предо мной в одном из своих обличий, желая подчинить своей воле.

Когда пересек я порог, с гулким грохотом захлопнулись за мною тяжелые двери. Но меня это не тронуло: не существовало ни одного запирающего заклинания, которое я был бы не в силах разрушить. Молча стоял я в ожидании, что воспоследует дальше. Я ощущал, как чей-то внимательный взор изучает меня, но, странно, не мог определить, где скрывается обладатель его. Тогда впервые я почувствовал смущение, мысль мелькнула, что что-то не так, как должно. Но я отбросил ее — ничто не устоит пред

великим Магом.

Замок был пуст. Не было комнат и коридоров, он был совершенно лишен лестниц и переходов. Была лишь пустая оболочка, которая снаружи драконом представлялась. Здесь же черные стены образовывали изломанные контуры внутренностей драконьего тела, черными колодцами уходили вверх башни, и единственный свет, который был здесь, приходил через глаза мнимого чудовища, тускло освещая громадный зал, единственный в замке.

Не знаю, сколько я стоял под изучающим взглядом чародея, тщетно пытаясь определить, где он укрылся. Казалось, сами стены взирают на меня, и так оно и было в самом деле. И вот бесстрастный глас нарушил мертвое молчание. Но сказать, что он бесстрастный, значило бы то же самое, что камень умеет смеяться. Ни жизни, ни эмоций не было в нем, ни чувства, ни сомнений…

— Я слушаю.

И меня совершенно сбила с толку эта встреча. Разве не пришел я сюда, чтобы занять место хозяина Аурингарда? Даже если чародей намного слабее, чем я полагал, все равно он должен знать, зачем я здесь. Поэтому я решил, что он хочет поиграть со мною, и задумал поддержать игру, изменив в ней правила в свою пользу.

— Ты долго правил в этом замке, — произнес я. — Настало время прогуляться тебе по миру, уступив мне место. Я сумею найти возможностям этого места применение более достойное.

Минутное молчание последовало за моими словами, после чего я продолжил.

— Давно живу я на свете, и несколько раз до всеми забытой страны, где я правил, доходили вести о Черном Замке, стоящем на краю высокой скалы.

Синица сказала, что это страшное место; старый ворон сообщил об ужасах, которые окружают владения Аурингарда. Бродячий менестрель пел угрюмую песню о видениях, что подстерегают путника поблизости Драконьей скалы.

Его спутница, большой красоты девица, поведала мне по секрету, что никому не известный, ни с кем не встречавшийся серый маг владеет замком с давних пор. Когда менестрели покинули мои владения, спокойная жизнь заурядного властелина наскучила мне, величайшему колдуну. Я хочу повелевать миром, а в этом месте ощущаю токи мощи, приходящие из сердца Земли, и они помогут мне в моих завоеваниях. Сама Земля на моей стороне, чародей! Слышишь ли ты отдаленный гром? Это Хаффур, великий дух Ночи, ведет войска, мне на поддержку. Хотя

теперь, когда ты сам открыл врата, думаю, она не понадобится. Вряд ли она вообще понадобилась бы.

Следующим в нашей странной беседе был снова вопрос.

— Почему ты думаешь, что сможешь повелевать миром? Ведь многие до тебя хотели этого, да и после того, как всякая память о тебе изгладится в сердцах, будут рваться к абсолютной власти. Что тебе в этом? Зачем тебе мир, если ты уже им владеешь, — существуя в нем?

— Правильно заметил ты, чародей, что память изглаживается в сердцах разумных[1]. Короток век человеческий, и предания ненадолго переживают его. Эльфы живут не в пример дольше, но их легенды умирают вместе с ними. Драконы… Они сами — легенда, и не любят рассказывать о прошлом.

Гномов заботят только драгоценности, все их сказки о золоте да сребре.

Майнары же скоро вообще исчезнут из этого мира. Поэтому лишь немногие сказания выдерживают испытание временем. Я живу долго, проживу еще дольше, но и мой срок когда-нибудь закончится. И не хочу я из истории мира исчезнуть. Но люди, а за ними будущее Земли, добро долго не помнят, как не помнят долго и малое зло. А большое Зло, Великую Смерть и Жестокость они запомнят на тысячелетия, и воспоют в легендах и сказаниях, мне будут посвящены саги и песни. Что такое существование в мире? Сотни тысяч существуют в нем, миллионы и сотни миллионов будут существовать. Да, они владеют миром, но никто о них не вспомнит. А скоро всем буду повелевать я, — слышишь, чародей? — я! И моей твердыней, откуда буду я насылать смерть, опустошения и болезни, зло и тьму, насаждать жестокость и беспощадный порядок — ибо что есть Зло, как не безмерно возвеличившиеся правила, — будет этот замок, это место средоточия мощи, которую щедро посылает мне Земля.

Восторг охватил меня, когда ощутил я, как живительные токи пронзили тело, насыщая его Магией. Никто, думал я, никто не может противостоять мне, величайшему из колдунов мира. И тогда решил я покончить с противником, жалким серым магом, скрывающим свое имя. Но прежде захотел услышать что-нибудь от него самого.

— Как имя твое, чародей, — был мой вопрос. — Скажи мне его, чтобы я не тратил лишних сил на выяснение его.

Глубокий вздох пронесся по замку, но, странно, то был вздох не испуга и страха, но усталости и разочарования. И тогда во второй раз почувствовал я смущение.

— Сколь много времени прошло, как утвердился я здесь… И никогда не скрывал я своего имени. Помню, как воздымался

остров над океаном расплавленной магмы, и я царил на нем, единственный живой в мире.

Каменная пустыня окружала высокую гору, но и тогда сидел я недвижно.

Когда же непроходимые джунгли обступили безжизненную поверхность горы, я пробудился. Тогда океан воды окружил утес, на котором стоял я, озирая мир, столь изменившийся за время моего покоя. Волны бились о ноги, но не могли достать плеч. И тогда я решил, что мир должен кому-то принадлежать, и наделил разумом маленькие юркие существа. Потом я снова воссел здесь. Минули тысячелетия, и Вселенная, посчитав, видимо, что этому миру мало одних повелителей, впустила сюда драконов и эльфов, а затем и других разумных. Но я не противился. Мне было даже интересно, что из этого выйдет. И долго я сидел. Увидев меня, разумные решили, что это древний замок. И называли по-разному, но название звучало всегда одинаково. То менялись языки, на которых говорили дающие мне имя.

Драконий замок, говорили они, и Великий Черный замок, и Вечный Страж, и Безмолвный Утес, и много других имен звучало, меня имеющих в виду. Все они называли меня Аурингардом. Но истинное имя скрыто в речи тех, первых существ этого мира, обретших разум. Знаешь ли ты их язык, колдун?

Да, я знал. И внезапно понял я, о чем говорил он мне, и понял, кто он такой, что такое этот замок. Не мог обнаружить я спрятавшегося в стенах чародея, ибо сами стены были им. Давным-давно застыл здесь дракон, но мог вновь ожить в любое мгновение.

И тогда я почувствовал страх. Я, долгие годы этого чувства не ведавший.

Холод ужаса словно стегнул меня по спине. Нет, не потому, что внутри дракона находился, сие меня не пугало. Но потому, что вспомнил единственное слово из языка маленьких юрких существ, майнаров, первых повелителей этого мира, слово, сказавшее мне, кто такой этот дракон.

Ауреин — его имя, Время.

…Бесстрастно взирая на происходящее, вел он свое существование с самого сотворения мира, и даже раньше, ибо кто может сравниться по старости с самим Временем? Те безумцы, которых я миновал по пути к замку, полагая жертвами экспериментов чародея, оказались людьми, просто не выдержавшими соседства с Историей. Как же был глуп я, считая, что смогу силою имени выгнать чародея из замка. Имя это произносится каждый день многие тысячи раз, и не существует пока силы, способной преодолеть его мощь.

И не существует магии, способной победить Серую Магию Времени.

Да, Время — величайший чародей во Вселенной, все, что может или могло произойти, уже произошло или произойдет. И это значит, что произойти может все. И то, что еще не случилось, обязательно случится хотя бы один раз. А то, что свершилось раз, повторится бессчетное число. Кто в силах противостоять этому?

— Ты силен, колдун, — продолжал Дракон. — Один из сильнейших. Но ты уже понял, что я сильнее тебя. И все же уступаю я тебе это место, ибо мною так задумано, и задумано очень давно. Миру нужна хорошая встряска, а ты прекрасно ее осуществишь. Назовут тебя Ауром, полагая, что ты можешь повелевать драконами. Ты способен к этому. Но одна мысль не будет давать тебе покоя. Ты потом узнаешь ее. А мне уже наскучило сидеть на одном месте, ведь столько лет не двигал я крылами…

Казалось, что сами основы мироздания сотряслись, — да так оно и было, — когда замок пошевелился, встряхнул крылья и приподнялся над землей. То был великий дракон, в несколько раз больше самого великого, что я видел, и неудивительно, ведь это был Дракон Времени. Два раза взмахнул он крылами, и взметнулись земля, песок и пыль, к небу ринулись океанские волны, и настала ночь от того, что солнце скрылось. Когда много времени спустя рассеялась туча, и закат осветил океан и скалу, дракона не было уже поблизости, ни где-нибудь, где я мог бы узреть его.

— Зачем? — произнес я, зная, что уже никто не ответит, и не понимая сам, о чем был мой вопрос.

Часть 2

…С тех пор много лет минуло, и все эти годы я воплощал свои намерения.

Смерть и страдания заполнили мир; муки и боль насаждал я, желая таким образом сохранить имя свое для потомков. Замок построил я на вершине высокой скалы над самым океаном, и девять башен у него было, три возвышались над всеми как главы драконьи, в небо взгляд устремившие, по три остальные с краев, друг против друга расположенные, как когти громадные драконьи выглядели. А стена, окружающая замок, была словно крылья великие драконьи, в круг вокруг замка уложенные. Защитил я чарами подступы к замку и сам замок, и верный Хаффур днем и ночью охранял врата цитадели. Силой и жестокостью управлял я всем миром, благо это было для меня легко. Быстро провел я завоевания, и теперь не осталось на земле даже малого острова, которому не был бы я повелителем.

Как и положено, много раз приходили рыцари сразиться со мной. Их я убил не всех, но предал судьбе, которая хуже смерти, и не буду об этом рассказывать, ибо это ужасно. Но мысли свои я не осуществил, хотя был властен в этом. Я не хотел терять великое удовольствие размышления.

А годы шли, уже почти две тысячи лет продолжалось царствие мое. И постепенно всевластие стало скучным. Теперь я знал, что помнить меня будут и спустя многие тысячи лет, и первая мечта выполнилась. Но иное желание теперь было у меня: найти Дракона Времени и сразиться с ним.

Никто не сражался с Историей, и буду я первым. Силы увеличились многократно с тех пор, как оставил Ауреин Скалу Мощи, ибо мощь эта стала переходить ко мне. И теперь я был уверен, что сравнялся по возможностям с Временем, хотя и был моложе. Ведь, как известно, молодость часто побеждает старость… Но: был ли Ауреин стар? Может ли состариться бессмертный? Это хотел я узнать и ожидал встречи с Драконом.

Но будущее сокрыто от глаз его обладателя, даже для меня. И поэтому искал я сейчас средство от скуки, которая постепенно стала заполнять меня. Впервые за многие столетия покинул я замок и направил стопы в град великий Энал, столицу Империи моей. Все чиновники и важные вельможи, которые при моем дворе состояли, обретались в городе этом. Многие годы распоряжения мои приходили с гонцом за эти высокие стены и беспрекословно выполнялись. Разумеется, были и взяточники, и взаимодавцы, но их не трогал я до поры до времени, пока совсем

они не наглели и не пытались обмануть меня. Народ, — пусть обдирают, это всего лишь народ, но меня нельзя обмануть, — так размышлял я, сожигая живот очередному зарвавшемуся чиновнику. Теперь же я стоял перед градом, породившим эти существа. И сильно отличался он от земель, которые я смотрел в пути. Там были запустение, голод, грязь, бедность — и гордость. Но чем гордились крестьяне — я не смог понять. Здесь грязь, голод, бедность соседствовали с роскошью и богатством. Гордости не было.

У позолоченных врат города сидел нищий. Увидел я все это и вдруг смятение охватило душу. Ведь я пытался оставить о себе след в памяти грядущих жить. Но все, что я вижу, существовало всегда и никогда не перестанет существовать… Однако сейчас же опомнился я, ибо увидел, что жестокость выражена в другом. Парапет стены города был усеян главами людей, казненных во имя мое. И сие — только вершина. Многое же скрыто от праздного взгляда и показывается лишь частично. Но и этой части достаточно, чтобы устрашить самого храброго, даже спустя века. Понял я это и успокоился. И прошел сквозь врата вместе со многими другими людьми как обычный путник, но не как правитель. Ибо захотел я развлечься. Не каждый день величайший колдун и правитель мира появляется среди простых смертных.

И шел я не ухоженными и богатыми проспектами, по сторонам коих высокие заборы ограждали владения дворян от грабительских посягательств и дурного глаза, и не чистыми улицами людей среднего сословия, там было мне неинтересно, ибо я родился в таком обществе; и хотя это было очень, очень давно, но люди изменились мало. Нет, я протискивался узкими, вонючими и обшарпанными переулками бедных и нищих кварталов района, зовущегося зловеще: Логово Смерти. Смешило меня это название, давно смешило, с тех самых пор, как впервые услышал его от казнимого мною гордого рыцаря. Ныне же решил я испытать истинность его.

Было темно, только месяц, мой давний союзник, освещал улицы. Широкую лужу черной зловонной жижи перешагивал я, когда обратили на меня внимание местные жители. Две черные фигуры возникли предо мной в угрожающих позах, и известно было, что столько же стоит сзади, следя за каждым движением. Да, они знали жизнь, и понимали, что случайный прохожий может оказаться великим воином, тем более если он один ходит здесь. Но не ведали эти люди, кто оказался здесь сейчас. Поэтому решил я продолжить развлечение и встал в позу ожидания.

Слабо сверкнула сталь в руке одного при свете луны. Глухой

голос спросил меня, дорога ли мне жизнь. Но не ответил я и насмешливо глядел на бандита. Тогда он потребовал денег. Опять промолчал я, ожидая его действий. И он шагнул ко мне, выставив нож вперед, в то же мгновение четыре руки схватили меня сзади. Приставив нож к горлу, повторил бандит свое требование. Ничего не сказав, взглянул я ему в глаза и тут же прочел все, что было в жизни этого мелкого человека, все его радости и горести, разочарования, удачи. Узнав его истинное имя, мысленно произнес его и подчинил человека своей воле. Сразу отступил он и убрал нож. Двое сзади отпустили меня.

— Веди, — произнес я, и покорно пошел он вперед, указывая путь по старым вонючим переулкам. Трое остались там, теперь никогда они не двинутся с места по своей воле.

Я шел и чувствовал запахи. Запахи не только лишь человеческой грязи и нечистот, но запахи мятежа, гордости, чести, благородства бедных и нищих, запахи свободы. Да, они жили в бедности, но, теперь я это понял, они имели то, чего не было у других, у богачей — свободу. В любое время человек мог уйти от этих нищих. Хотя и прийти он мог — только к нищим.

Однако отметил я себе, что и это нехорошо, надо бы тоже ограничить.

Город не спал в черные ночные часы. Пьяницы и грабители пересекали переулки и ходили по ним, промышляющие своим телом девицы поджидали их в своих нишах как в засаде. В открытом трактире вовсю шла пьянка, ночные воры и убийцы собирались на промысел, дневные пропивали добычу. Вслед за своим провожатым вошел я в низкое, но просторное помещение, где стояли, сидели и лежали эти отбросы общества. Отвратительные лица увидел я, и было ощущение, что не природа, а профессия создает черты лица. Я сел на свободное место и стал наблюдать. Мне было интересно, давно не было в моей жизни ничего нового.

Старый музыкант играл похотливую мелодию. Слов не было, но в самих звуках присутствовало нечто, что давало понять о сути ее. И появился у меня интерес к музыке, слабый и ненастойчивый. В середине трактира женщина медленно раздевалась под резкие визги омея2 и пьяные выкрики бандитов. Она была молода. Присмотрелся я и увидел, что лицо ее обладает красотой, которую никогда не смог я дать своим созданиям. Высшая ступень Магии — сотворение жизни, но никто не сумел еще создать существо, полностью отвечающее планам — и обликом, и сутью. Никто, кроме того, кто пока еще выше меня. И он дал ей красоту.

Я обнаружил, что долго уже сижу не шевелясь и взираю на

нее. Что могло привлечь мое внимание? Это не может быть просто так. Случайностей не бывает. И даже мелочь, любое событие ничтожное чем-то обусловлено и что-то за собой влечет. Таков один из моих главнейших выводов за эти века.

Потом она тоже посмотрела на меня. Она встретила мой взгляд так, как никто и никогда не встречал его — без ужаса, без отвращения, без отчаяния, с интересом и усталостью. Впрочем, ей не было известно, кто я, и Силой, чтобы это почувствовать, она не обладала.

Другие обнаружили, что женщина смотрит на меня не отводя глаз, и им это не понравилось. Я ничего не предпринимал, мне были любопытны реакции этих подонков. Они пока сидели, но была угроза в каждом движении.

Спустя какое-то время все вдруг затихло, музыкант перестал играть, а женщина застыла на своем месте, одетая лишь в набедренную повязку. Из дальнего угла трактира выдвинулась громадная фигура воина. Бывшего воина, ибо никто теперь не возьмет его на службу. Он двинулся ко мне.

— Ты кто такой? — спросил он, подойдя ко мне. Из его куцых мыслей узнал я, что он еле сдерживает себя, чтобы не начать драку, но ему нравится играть с жертвой. Я решил поддержать игру.

— Это важно?

— Нет, — верзила захохотал. Окружающие засмеялись тоже. Женщина с виду осталась спокойной. Она смотрела на меня, и взор ее уже выражал смятение.

— Тогда зачем ты спрашиваешь?

— Потому что ты мне нравишься. — Он сделал неприличный жест, и трактир вновь взорвался гоготом. Я засмеялся тоже, мне было очень забавно.

— Ты мне тоже.

— Ну так давай, прямо здесь.

— Давай. Поворачивайся.

Он недоуменно посмотрел на меня. Смеяться перестали. Я гнусно улыбнулся, не оставляя сомнений в словах своих. Верзила понял оскорбление.

— Ты… — взревел он.

Руку я вытянул, коснувшись его живота. Бандит страшно захрипел, схватился руками за выскочивший желудок и, согнувшись, повалился на пол.

На самом деле я взглядом убил его, а рукой двинул лишь для того, чтобы остальные не поняли, что колдун я, и решили, что воин. Мне все еще хотелось поразвлечься.

Все мгновенно отпрянули, с ужасом и недоумением взирая на

труп непобедимого ранее гиганта. «Диан», — услышал я испуганный шепот. В самом деле, метод убийства для других выглядел как работа диана, профессионального воина из восточных провинций моей Империи. На это я и рассчитывал.

Решив не драться со мной, бандиты тихо разошлись по своим местам, стараясь не привлекать моего внимания. Разумно. Я посмотрел на женщину.

Она уже оделась и пробиралась к задней двери. Я встал и последовал за ней. Мне вслед снова понеслись звуки омея.

Женщина осторожно шла по переулку, когда я догнал ее. Она испуганно прижалась к стене, когда я неслышно возник рядом, и с ужасом уставилась на меня. Мало кто мог бы быть равнодушным наедине с убийцей-профессионалом, только что показавшим мастерство свое.

— Что вам нужно?

Я думал, что бы ответить. Странно, я очень долго живу, но сейчас не знаю, что нужно сказать этому существу, чтобы она не убежала от меня.

Почему я не хочу этого? Почему я пошел за ней? Пока я не мог ответить себе на эти вопросы.

— Как зовут тебя? — тихо спросил я.

— Я Лири, — она чуть расслабилась.

Можно было помочь ей почувствовать себя полностью в безопасности, это я мог сделать. Но, не знаю почему, я не хотел подчинять ее своей воле.

— Мое имя Ау… Аунард. Я асхиданский свободный воин.

Она почти успокоилась.

— Асхид так далеко отсюда.

— Всего лишь путь на корабле. Сейчас это не столь сложно, как было тысячу лет назад.

— А что было тысячу лет назад?

Я мог бы рассказать ей все, что было тысячу лет назад, до мельчайшей подробности в жизни людей, эльфов и других народов, подчиненных мне. Но я не стал этого делать.

— Не знаю. Но ведь тогда было хуже.

— Да… тогда было хуже, — произнесла она, но я понял, что это было неискренне.

— Я провожу тебя, Лири.

— Не надо, господин.

— Где ты живешь?

— Не провожайте меня, господин.

Я понял, что у нее нет своего жилья и она, как многие бездомные и собаки, живет на городской площади среди отбросов и грязи дневных торговцев.

— Пойдем со мной, Лири. Я накормлю тебя и дам тебе хорошо отдохнуть. Ты будешь в безопасности. — Почему мне хотелось проявить такую заботу об этом существе? Какое-то новое чувство ощущал я, прежде мне незнакомое.

Оно было приятным, хотя я не знал к чему оно приведет. Не мог даже предположить. Мое будущее мне неподвластно. Но я не видел и ее будущего.

Почему? — Не бойся.

Я взял женщину за руку и повел за собой. Она не сопротивлялась. Я провел ее сквозь грязные улочки и улицы этого города, через городские ворота, мимо стражников, которые обратили на нас внимания не больше, чем на собак, но сейчас это меня не тронуло. Мы дошли до придорожной гостиницы, лучшей в Энале и его окрестностях. Щедро заплатив хозяину, я приказал ему хорошо вымыть женщину и отвести ей лучшие покои. Он поклялся, что так и сделает. После этого я вышел прочь.

Впервые за всю мою жизнь я бесцельно шел по земле. Прежде, куда бы я ни направлялся, мною двигала какая-то причина. Я мог идти на завоевание очередного царства, с которым справлялся в одиночку, я мог собирать растения, необходимые для обрядов. Сегодня утром я тоже шел для того, чтобы проинспектировать город — столицу моего мира. Сейчас же — медленно шагал и просто смотрел на мир.

Что заставило меня отказаться от дальнейшей проверки моих достижений? Я пытался ответить себе на этот вопрос, но мысли путались и окончательно терялись в вихре, заполнившем мою голову. Я не мог понять, что происходит. Я видел пьяных и знал, что они ощущают, но никогда не пьянел сам. Я просто на это не способен. Я колдун, величайший черный маг на земле, и ни один яд на меня подействовать не может хотя бы потому, что яды мне подчиняются.

Но то, что сейчас было со мной, напоминало сильнейшее опьянение. Я даже пошатывался иногда, на мгновение теряя равновесие. Что, что произошло?

Предо мной заблестела водная гладь. Озеро. Была такая тихая ночь, что мне стало не по себе. Мои союзники — ветер, молния, буря, я повелитель этих стихий, и во время их буйства обретаю новые силы. Покой и безмолвие мне не друзья, хотя и не враги.

Я протянул руку к ночному цветку, недавно распустившемуся на берегу. Но он знал, кто я такой, и отклонил лепестки от моих пальцев. Я все же тронул его стебель. Тогда цветок завял и почернел. Гнев шевельнулся во мне.

И все же я не хотел разрушать странную идиллию, царящую

над озером. Что изменилось внутри меня? Множество вопросов роилось вокруг, касающихся происходящего, но не мог я найти ответа. Я — который всегда имел столько ответов, сколько было нужно, был в смятении и недоумении.

Я смотрел на мир глазами ночной птицы, высоко летящей над землей.

Широкие пространства мог охватить взор, и в этих краях раскинулись поля, возделываемые разумными, деревни и города, в которых они жили; леса, пристанище многих жителей мира, реки и озера, около одного из которых сидел я. Вдалеке на горизонте темнела полоска океана, охватывающего половину Эрнина и единственного подчинившегося мне не полностью. С другой стороны слабо светлел закат, а океан напротив уже начинал освещаться зарею. Мир темно-зеленый, коричневый и многоликий распростерся подо мной.

Плеснула рыба хвостом, и я очнулся от транса. Я не знал, что произошло, но чувствовал, это окажет такое же влияние на мир, какое оказал Ауреин, уступив мне место на скале.

Ауреин!.. Я вспомнил Дракона и свою ненависть к нему. И вдруг понял, что ненависть поблекла, утратила ярость и ожесточение. Сейчас я почти готов был простить его пренебрежение мной. Три тысячелетия гнева почти канули в один день странных переживаний.

Это не могло быть действием заклятий врагов, или даже самого Ауреина, я бы почувствовал чары. Нет, это менялся я сам. Менялся катастрофически быстро, разрушительно и, наверно, неотвратимо. Что произошло?

И тогда я обратил немой вопрос к безмолвному миру, окружавшему меня. Я призвал Валорет, покровительницу лесных и озерных созданий. Слабо светящийся призрак духа возник на середине озера и медленно двинулся ко мне.

— Не могла я предположить, что Аур когда-нибудь призовет меня, — слабо прошелестело в воздухе, когда Валорет приблизилась ко мне. Призрак состоял из тумана, испускающего собственный свет, не дающий тени. — Что ты хочешь от меня, колдун.

Я некоторое время размышлял, что ответить. Девять духов были мне подвластны: Хаффур, великий демон Ночи, Алареа, дух Огня, Ариус, магистр подгорных пространств, Деспант, правитель Океана, Рахвис, рождающий бури и ураганы, беспечная Сай, несущая закат и зарю, Меарсин, проводник Дня, Ланнис, покровитель Воздуха, и Валорет, дух зеленых просторов Эрнина.

Самой разумной, спокойной и милосердной была Валорет. Мне бы стоило поговорить с Хаффуром, моим самым первым

союзником, с самого начала ставшего военачальником моих Темных войск. Но я вызвал Валорет.

— Что я хочу? Я не прочь и сам узнать это. Скажи мне, прекрасная, отчего я не могу найти себе места в этот день. Вчера я шел узнать, что есть в моих краях. Я не узнал ничего нового, все осталось так же, как было прежде. Но почему тогда я мечусь теперь, словно нигде в этом мире, мне принадлежащем, нет ни клочка моей земли. Ни одна мысль не остается надолго жить в моей голове, а заменяется другой, еще менее долговечной.

Я пьян, хотя не пил ни капли, да и не могу опьянеть. Поведай, Валорет, что со мной.

Тихий удивленный вздох разнесся над озером после моих яростных речей, одновременно успокаивая разбуженные воды. Призрак слабо замерцал.

— Как ответить? Мне известны эти ощущения, но я совсем не уверена, что причина их у тебя та, что их вызывает. Ты просто не можешь сделать это.

Для этого нужно иметь чувства, а ты, Аур, давно их уничтожил в своей душе. Нет, это невозможно, хотя другой причины я не знаю.

— И что же это? — я призвал все свое умение владеть собой.

— Смертные называют это любовью, — Валорет повернулась и двинулась прочь. Оглянулась: — Но ты ищи другое, из-за чего волнуешься. Любовь тебе недоступна, — прошелестело над озером, а потом призрак растворился в воздухе.

Я долго смотрел в темную глубину озера, прежде чем шевельнулся и встал.

Руку протянул я к другому ночному цветку, но на этот раз растение не отклонилось от жеста и не погибло от прикосновения. В смятении я медленно пошел обратной дорогой к постоялому двору.

Любовь… Что она имела в виду? Я знаю, что такое любовь, я часто наблюдал ее у разумных, и не сказал бы, что она пробуждала во мне какие-то отклики. Некое состояние разума и тела, обычно присущее двум близким по духу существам и побуждающее их на странные решения и поступки. Но для этого необходимо иметь чувства и кого-то, к которому их проявлять. У меня же не было и не могло быть ни того, ни другого.

Валорет сказала верно. Жизнь, чувства и эмоции, что остались во мне, заключены в Магии и посвящены ей.

Я вернулся к постоялому двору, когда первые утренние птицы уже спели свои песни. Хозяин уже не спал и, увидев меня, согнулся в поклоне. Он помнил деньги в моем кошельке.

— Я отвел вашу даму в лучшую комнату, — сообщил он мне,

ожидая награды.

Я не стал обманывать его надежд, и только спустя минуту озадачился: что за милосердие к мелким мира сего?

Поднявшись по скрипучим ступеням наверх, я остановился у двери, постучался и спустя несколько секунд вошел. Лири не спала и одетая стояла у окна. Комната действительно была неплохой, но хуже, чем я ожидал.

Женщина повернула лицо ко мне, явно не зная, что сказать. Я же увидел ее впервые при дневном свете и потерял дар речи…

О Создатель, было ли еще когда-либо сотворено тобою существо столь прекрасное? Тот облик, который являлся окружающим, был не более чем маской, красивой и только. Лицо же, под ней скрывающееся, прекраснее всего оказалось, что я смел себе вообразить когда-либо. Лучшие эльфийские красавицы, знакомые мне, были лишь тенью этого лика.

Существо, подобное высшим ангелам, когда-то виденным мной, стояло в этой комнате. И она явно не сознавала своего счастья, ибо никогда не видела себя настоящую, а только эту маску, неизвестно зачем надетую в день ее рождения.

Я знал чародея, который мог это сделать, но не так давно предал его смерти. Теперь я пожалел об этом, ибо хотел узнать, чего он думал этим добиться. Если бы я умертвил его не больше десяти лет назад, с ним еще можно было бы поговорить. Но теперь его дух витает в недосягаемых даже для меня сферах.

Однако я могу снять его чары. И я это сделаю.

Женщина стояла, все более и более смущаясь под моим пристальным взглядом. Она давно уже опустила глаза, и неудивительно. Никто не мог выдержать моего взора больше чем несколько мгновений, даже Хаффур.

— Как ты спала, Лири?

— Я… не спала, господин.

— Почему? Что же ты делала?

— Я смотрела в окно.

Я огляделся. Ни одна вещь в комнате не была сдвинута с места или тронута. Лири даже не присела.

— Ты стояла всю ночь?

— Да, господин.

— Почему?

— Я… боюсь испачкать то, до чего дотронусь, господин.

— Но, Лири, я же заплатил за это.

— Не стоило этого делать, господин.

Лири неожиданно заплакала. Я шагнул к ней и взял ее руку. Женщина вдруг расслабилась и упала на пол. Я поднял ее и понял, что Лири в обмороке.

Она бессознательно реагировала на присутствие рядом с ней такого существа, как я. Вряд ли это было известно ей, но чувствовали тело и инстинкт.

Оставив ее лежать на кровати, я спустился вниз и взял у хозяина еду.

Когда я вернулся, Лири уже пришла в себя и сжалась в комочек. Осторожно, чтобы не напугать ее, я поставил поднос перед ней и начал расспрашивать.

Ей было двадцать лет, родителей и родной дом она не помнила.

Воспоминания начинались, когда хозяин жестоко бил ее за малейшую провинность, а потом продал бродячему артисту и чародею, который проводил с ней свои колдовские опыты. Однажды чародей исчез, и ее подобрали бродяги, которые, хоть и плохо с ней обращались, но досыта кормили. Несколько лет назад Лири сумела ускользнуть от этой банды и спустя многие месяцы скитаний пришла в Энал, где хозяин одного трактира, увидев красивую нищенку, предложил ей постоянную еду в оплату за демонстрацию обнаженного тела перед посетителями его заведения. Он хотел и большего, но так как Лири еще не решилась на продажу самой себя, оставил пока ее в покое, однако с намерениями со временем добиться своего.

Ночевала Лири где придется, в основном на центральной рыночной площади города, где каждую ночь горели костры из дневного мусора. Там бывало тепло, и многие бродяги также находили приют около пламени.

Так прошло пять недель, и появился я.

Она увидела, как я вошел в трактир, и сразу почувствовала что-то странное. Появилось ощущение, что все меняется. Когда бандит подошел ко мне, ей захотелось, чтобы я одержал над ним верх. Но когда так и случилось, она выскользнула, стараясь, чтобы я ее не заметил, потому что почему-то боялась меня. Она очень храбрая, годы испытаний сделали ее в двадцать лет много мужественнее многих, но меня испугалась очень, чувствовала, что со мной связано что-то страшное.

— Лири, я ведь тоже ощутил, что все меняется, — сказал я ей. — Всю эту ночь я провел в безумных стремлениях понять, что случилось. И похоже, что невероятное предположение, которое никак не может быть правильным, оказалось правдой.

Она вопросительно взглянула на меня. Во взоре больше не было страха, но некоторое беспокойство еще оставалось. Я смотрел мимо нее, чтобы не испугать взглядом.

— Я никогда не знал, что такое любовь. На самом деле я и сейчас не уверен в этом. Слишком невероятно. Но… Я люблю

тебя, Лири.

Помимо воли я произнес это, но понял, что это так. То, чего не могло произойти, произошло. Бесчувственный колдун познал любовь. Правитель мира во власти безумия. Как скажется это на состоянии его владений?

Мир вновь распростерся подо мной, бесконечный в своем разнообразии, великий в своем бытии. То, что в тот раз было скрыто темнотой, сейчас освещено оказалось Солнцем, и, странно, мне теперь не нужно было укрывать глаза от него, как раньше, я взглянул прямо на сияющий круг.

— О Светило, — обратился я к нему. — Ты не отворачиваешь от меня своего взора, не испепеляешь глаз моих. Почему?

— Ты не чужд мне отныне, — пришел безмолвный ответ.

Мягкое прикосновение вернуло меня из транса. То Лири подвинулась ко мне и робко коснулась губами руки. Я неловко положил ладони ей на плечи, она подалась вперед и очутилась в моих объятиях. Мягко прикоснулся я к ее щеке и, ощутив внезапную дрожь, судорожно сглотнул комок, образовавшийся в горле. Тогда Лири впилась языком в мой рот и тесно прижалась ко мне. Я упал на кровать, и Лири упала следом.

«Безумие», — мелькнуло в голове, но — Великая Тьма — как я хотел этого безумия. Я попытался вспомнить свои наблюдения за любовными актами, которые когда-то изучал, как и все остальное, чтобы просто знать, что это такое. Но воспоминания покинули меня. Ни одна мысль не приходила в голову, и тогда я дал волю своему телу и рукам. Они стали делать все сами, хотя никогда прежде подобного не совершали.

Много, много позже я в бесконечном недоумении стоял у окна и смотрел на заходящее Солнце. Во второй раз в жизни я смело смотрел прямо на Солнце и не падал, корчась от великой боли. Даже во младенчестве такого не было, ибо еще до рождения я был посвящен Тьме. Я мог находиться под Солнцем и ходить под ним, но поднять взор к небу — нет.

То, что Светило изменило свое отношение ко мне, могло значить лишь одно.

Это было невероятно, еще более невероятно, чем любовь. Но никакого другого объяснения не существовало.

Я больше не был колдуном.

Часть 3

Я направил взор в Аурингард и увидел, как беспокойно волнуется Хаффур, чувствуя нарушения в Равновесии, как великий и эксцентричный Ариус, магистр подгорных пространств Эрнина не может найти себе места и сотрясает одну гору за другой, пытаясь предполагаемую причину перемен отыскать в своих владениях.

О Великая Тьма! Мне нравились эти изменения!

Лири спала сном, в который я ее погрузил, собираясь снять с нее чары. Я повернулся к ней и снова замер, в очередной раз пораженный красотой ее истинного лица. После этого начал действо.

Я сознавал, что теперь не могу применить большинство заклятий, которыми пользовался ранее. Но мне были известны абсолютно все заклинания, действующие в Эрнине, и взамен потерянных я приобрел возможность использовать другие. Плетя Сеть Серых чар, я услышал, как окончательно изменился Источник. Дико взревели Хаффур и Ариус, внезапно осознав это и поняв причину случившегося. Расхохотался вечно постоянный и вечно меняющийся Алареа, хитро усмехнулся Деспант, восторженно захлопала в ладоши Сай. Задумчиво повел рогом Ланнис, позже он, как всегда, лучше всех осознает то, что произошло, даже лучше меня. Мрачно нахмурился Рахвис, он не любил столь резких перемен со стороны других, только себя признавая достойным их. Меарсин возликовал, надеясь на лучшее, он имел доброе сердце. Валорет удивилась меньше всех, она уже видела меня в смятении и могла предположить нечто подобное. В этот миг из-под ее созидающих рук появился новый цветок, и Валорет посвятила его мне.

Но все это происходило далеко. Я накинул паутину на Лири и произнес запирающее заклинание. Среди дня внезапно сверкнула молния, и спустя мгновение загремел гром. Я осторожно потянул паутину, и вместе с этим громко затрещал воздух. Когда я полностью снял паутину, испуганные разумные уже укрылись в трактирах и домах, с недоумением и ужасом глядя на улицу.

Я рассеял Сеть и отпустил Силы. Сразу же кончился треск, и вскоре разумные, настороженно посматривая по сторонам, направились по своим делам. Я вновь взглянул в окно. Что-то было в ткани мира не так, какой-то малый сдвиг непонятного характера беспокоил меня, ибо он выделялся даже на фоне тех изменений, что произошли в структуре Источника.

Астрал не дал мне ответа. Стихии недоуменно сообщили о

своем неведении.

Ментальный мир предпочел молчание.

Тогда я своими новообретенными силами решил выяснить причину этого беспокойства, ибо ясно чувствовал, что оно каким-то образом непосредственно относится ко мне. Я обратился к Ситуан, Хранительнице Знаний, с которой прежде не мог общаться. Отклик пришел тут же.

— Что нужно тебе, Ушедший-Из-Тьмы?

— Что происходит в мире сейчас, так влияющее на него?

— Ты сам это знаешь.

— Не увиливай, я прекрасно понимаю, что тебе известен ответ.

— Тогда посмотри на свою спутницу и спроси ее тело, что случилось.

Ситуан замолчала. Я повернулся и взглянул на Лири…

Единственный раз я до этого испытал такое потрясение в своей жизни, лишь один-единственный раз. Это было давно, тогда, когда я понял, какой замок стоит на вершине высокой горы. Тысячи лет прошли с тех пор. Но и сейчас я не мог сдвинуться с места, не мог произнести слова, не мог отвести глаз, ибо видел нечто, недоступное взору других, но так ясно видимое мною.

Нечто, способное привести к моей гибели и гибели моей Империи. Да что там Империи — всего мира, ведь океаны тоже могут не устоять.

Это произошло. В Лири зародилась новая жизнь!

И первым побуждением моим было уничтожить ее вместе с жизнью, которую она, еще не зная того, может дать миру. И поднял я руки, дабы испепелить угрозу… но вскоре опустил их. Великая Тьма, я не могу сделать этого.

Ни я, ни кто-либо другой… я просто ему этого не позволю.

Я, одно из жесточайших существ на Земле, уничтоживший столько разумных собственноручно, сколько никто не уничтожил до меня, я, на чьих руках кровь всей моей родни, я, наблюдавший за смертью и муками бесчисленное множество раз во всем их многообразии, — не смог предать простейшей из смертей эту женщину, которую знал всего один день. Несмотря на то, что ныне угрозу величайшую представляла для меня она и тот, кто зародился в ней, когда я снимал чары с Лири. Никто еще не пробовал заклинания на эмбрионе, это просто невозможно. Величайшая мистерия в мире не поддается исследованию. То, что это произошло сейчас — случайность, случайность роковая и неизбежная. Я услышал, как издевательски хохочет Хаффур, но в его смехе проскальзывали нотки неуверенности, даже страха.

Тогда я и сам расхохотался.

— Будь что будет…

Слегка раздвинулась ткань времени, и я узрел часть того мира в целом, что будет после, увидел то, что мне никогда не удавалось увидеть. И это не было ужасным!

Внезапный порыв запахнул занавеси, и видение будущего пропало. И тогда понял я, что Ауреин рядом, и это ветер от его крыла закрыл просвет между временами.

Вновь попытался я проникнуть за сокрывающее полотно, и слегка подалось оно. Дальше я двигался, пытаясь сорвать завесу неведения, мешающую охватить единым взором все времена. Но когда остался единственный тонкий слой, за которым была победа, я расслабился. И тут же Некто, охраняющий от посягательств тот запретный край, в который я стремился, те тайные знаниями, обладателем которых хотел я стать, воспользовался моим просчетом. Что-то невероятно тяжелое ударило меня, так, что потемнел мир, потрескался и — рассыпался на бесчисленные звезды…

Мягкий голос был проводником моим из дальних краев Астрала обратно в Эа.

Я следовал за ним путями трудными, такими, какими они еще никогда не были. Я и раньше бывал здесь, но сейчас продвижение было, будто в воде, все движения были замедленны, чувства приглушены. Я не различал, что говорил голос, но невнятное бормотание было путеводной нитью в этих краях, где все дороги внезапно перепутались, и повороты исказились до неузнаваемости. С этим странным восприятием я достиг начала длинного туннеля и нырнул в него, отчаянно сопротивляясь все усиливающимся порывам ветра, желающего отбросить меня обратно. И я потерял связь с моим Источником Мощи, черпал все силы в самом себе. И, Великая Тьма, их оказалось достаточно!

Когда я вернулся в тело, матерью мне данное четыре тысячи лет назад, то обнаружил его распростертым на полу. Лири на коленях стояла рядом, и что-то шептала. Я узнал голос, который привел меня обратно.

Ослепительный желтый диск был уже на окончании своего дневного пути.

Сколько же я пролежал так?

Увидев, что я очнулся, Лири отпрянула и встала с колен. Потом протянула мне руку. Я нашел это забавным, но не подал виду, и принял ее помощь.

Это было приятно.

— Ты пойдешь со мной, Лири? — спросил я ее спустя много времени, когда солнце уже давно скрылось, и мрачная луна

освещала мой беспокойный мир.

— Куда пожелаешь, господин мой, — был ответ.

— Лишь тебе я не господин, — произнес я и понял, что это действительно так. — Ты вольна покинуть меня в любое время, в любой миг, и я не смогу этому препятствовать.

— Если ты не прикажешь мне, я не уйду.

— Не говори так. Ты не можешь мне обещать свою жизнь, лишь ты не можешь.

Решение ты примешь скоро, когда узнаешь, кто я.

— Ты Аунард, свободный воин.

— Нет, милая, я не воин.

— Так кто ж ты тогда?

— Когда это станет тебе известно, разрешится судьба мира.

Таков был наш разговор в ту ночь, которая никогда не повторится. Лири удивилась, засмеялась и вновь потянулась ко мне. Я не противился. И уже знал: никогда я не смогу причинить ни самого малого вреда этой женщине, которою до сих пор помыкали все, кто с ней общался. Ее красота, более великая, чем красота любой эльфийской принцессы, и потому более жестокая, беспощадно очаровывала и завлекала, а простота и искренность души ее окончательно заставляли жертвовать собой на алтаре Айнур[2].

Помоги мне сбежать от меня туда, Где я сам себя не достану, Где прикованным буду цепями к стенам, Стенам бесконечной любви…

Я всегда мог увидеть будущее любого существа, кроме себя самого. Но общая картина мира была мне недоступна. Сейчас я не знал будущего своего и Лири, но часть мира через многие годы я узрел и, хоть и не узнал очертания материков, но благоденствие будет.

Странно, почему меня это так успокаивает? Никогда прежде я не хотел покоя поколениям, которые сменят живущие ныне. Целью было причинение злодеяний таких, какие и спустя тысячелетия будут содрогать сердца. Ныне же стало мне сие безразлично.

Ведомо стало мне, что, несмотря на магию, творимую во время зарождения жизни в Лири, сын не сможет угрожать мне. Магия сохранится в нем и его потомках, но не скоро выразится в полной мере. Что это, очередная шутка Ауреина? Впрочем, какая разница? Это произойдет через многие тысячелетия.

Я вел Лири все дальше и дальше по дороге к Замку, все реже и реже попадались нам навстречу и по пути обычные странники; опасались они этих мест. По пыли шагали мы, и Лири не уставала нисколько, а я дивился легкости ее хода и грации. Я же

волноваться стал, — Великая Тьма, никогда я столько не волновался, сколько сегодня, — и чем ближе к Аурингарду, тем более беспокойные мысли возникали в голове моей.

Безответно Хаффур пытался воззвать к разуму, я напрочь отмел его советы по сотворению зла над Лири. Не в силах это было моих утерянных, и новообретенных — тоже.

И когда не осталось больше путей впереди, кроме как по узкой темной дороге над широкой каменистой долиной к высокой горе, над которой подобно одиноко сидящему Дракону устрашающе возвышался Замок, обернулся я к спутнице своей и с непрошенной дрожью в голосе вопросил:

— Сможешь ли пойти со мной дальше, Лири?

Ждал я, пока она смотрела на Замок, потом на меня, и взор ее менялся от недоумения до страха и — ужаса. И бессильный шепот возвратил мне ответный вопрос.

— Кто ты?..

— К чему этот вопрос, Лири? Ты видишь меня, ты видишь мой дом. Ты знаешь, кто я.

— Ты… ты Аунард, свободный воин… — гаснущая надежда еще теплилась в ее взгляде. И шепот отчаяния: — О нет…

Я обратил взгляд к Аурингарду, над которым ослепительно сверкало закатное Солнце. Впрочем, оно меня не слепило сейчас, да и не видел я его вовсе.

— Три тысячи лет меня именуют Ауром. Я император этой земли. Я величайший колдун. Очень долго лишь Ауреин был сильнее. Теперь… теперь мы, быть может, на равных. Четыре тысячелетия мой мир был незыблем, а Черная Магия — моей сестрой и матерью. Но сегодня… Ты изменила меня, Лири, изменила так, как я не менялся с рождения. Я не могу заставить тебя делать что-то. Слышишь, не могу. Каким бы ни было решение относительно того, пойдешь ты со мной или нет, оно будет твоим.

Я смотрел невидящим взглядом на Солнце. Судьба мира впервые была не в моих руках.

Лири плакала за моей спиной. Я слышал слабые рыдания и не мог понять, были то слезы страха или печали. Солнце медленно спускалось к земле, и средняя башня Замка уже пронзила его точно посередине.

— Я не могу… — тихо прошелестело сзади, когда башня окончательно рассекла Светило на две части. Я не слышал шагов, но знал, что Лири уходит, удаляется все дальше и дальше. И не мог вернуть ее.

Воистину, мир изменился!

Она ушла.

Я остался.

Скрылось Солнце.

На громадных черных крыльях прилетел от Замка Хаффур и кружить вверху начал, соображая, что нужно сделать для меня, дабы вернуть на пути прежние.

Лишь он не понял, что это невозможно.

Благословенный демон…

Часть 4

Что для меня годы, если столетия проходили почти незамеченными за стенами Замка. Изучение магических учений столь сильно захватывает, как не может никакая другая наука это сделать. Магия — это ключ к всевозможным тайнам мира, коих бессчетное множество. Магия всемогуща и непостижима, она так же непостоянна, как и человек — самое непостоянное существо. В этом сила его, и в этом же Сила Магии. Причиною всеобщего засилья человека над другими расами я признаю именно его мгновенно изменяющиеся мысли. Почти все великие маги были людьми. Эльфы и драконы поголовно владеют магией, но они не способны управлять ею так, как может это человек. Я и сам — наполовину принадлежу этому роду.

Магия — это моя жизнь, моя судьба и мой рок. Еще до рождения мать посвятила меня Тьме, и дала только имя, после чего передала в руки Хаффура, который воспитал меня и посвятил в младшие маги Харроа. Ныне ничего не осталось во мне от матери, ибо имя я уже давно ношу другое, а от Тьмы, которой посвящен был, удалился.

Но ныне идут годы, и дни в них длятся бесконечно. Два раза по десять лет пребывал я в грусти великой, после того как Лири покинула меня. Магия не тянет меня к новым знаниям и достижениям, как было это четыре тысячи лет подряд. Великая Тьма выпустила своего воспитанника, но Благословенный Свет не принял его и не примет никогда. Отныне вечно плутать мне по запутанным лабиринтам Бесконечных Сумерек, пытаясь подчинить себе Серую Магию. Но зачем это?

Годами взирал я на небо, темнеющее и светлеющее, и впервые за всю мою жизнь пытался понять не собственные стремления, а суть мира.

Разверзающиеся недра меж звезд пугали меня, заставляя представлять бездонную их природу, но не могли отвернуть от себя. Что мне до страха, когда единственное существо, растопившее мертвый холод сердца древнего мага, отвергло меня…

Наконец неведомой силою вырван я был из созерцания и размышлений, грусти и тоски — и понял, что приближается кто-то к Замку. Кто-то… Почему в такое волнение повергло меня это событие, что такого ощутил я, не успев еще осознать?

Ответ пришел быстро, и был ошеломителен. Сын. Мой собственный сын в рыцарских латах на могучем коне с зачарованным копьем в руке приближается, дабы сразиться со

злым колдуном, — со мной.

Великая Тьма и Бесконечные Сумерки, что же происходит! Я не сумел удержаться и захохотал, впервые за многие столетия. Ауреин преподносит новый подарок. Какое же должно быть чувство юмора у этой Стихии, если она с такой иронией и коварством кует свои цепи, удерживающие мир в вечной зависимости от Времени.

От хохота моего задрожали стены, и Хаффур тут же примчался, озадаченно взирая на меня.

— Открой врата, — и я продолжил смеяться.

С грохотом упал мост, соединив скалы и утес, на котором стоял замок.

Тяжелые створки ворот медленно и тяжело отворились, раскрывая зияющую черноту внутреннего двора Замка. Рыцарь подъехал к краю моста и остановил коня, внимательно изучая окрестности. Потрясая копьем, рыцарь выкрикнул вызов.

Великая Тьма, сколько раз вызывали меня на бой, и каждый раз хватало Хаффура, чтобы схватить нарушителя спокойствия и доставить его ко мне для произведения пыток. Не счесть. И на этот раз Хаффур направился к вратам, чтобы снова повторить сие. Но я остановил его. Успокаивая собственный смех, я неторопливо миновал удивленного демона и вышел из Замка.

Рыцарь слегка опешил, увидев меня столь скоро. Он ожидал, что ему придется несколько дней быть здесь, вызывая меня на поединок. А я неожиданно ощутил горечь, тоску и печаль. Я жадно вгляделся в лицо юноши, прекрасно видимое мною за забралом. О Сумерки, его черты… Это лицо, в котором Лири выразилась столь же сильно, сколь и я. Прекрасный лик, утяжеленный мрачными и беспощадными линиями рта. Глаза Лири с холодным блеском прирожденного, но не воспитанного, даже не выявленного, мага. Буря чувств пронеслась в душе моей, оставив после себя слабый налет неуверенности. Ауреин, это что, испытание?

Я стоял и ждал. Рыцарь быстро пришел в себя от неожиданности и, подняв копье, снова прокричал слова вызова. Я понял, что он не знал, кто его отец. Юноша повернул коня, опустил копье и направил его на меня.

Испуганное животное помчалось в мою сторону, в панике не понимая, что бежит в сторону опасности. Лишь в самый последний момент я шагнул в сторону, и рыцарь с маху влетел внутрь замка. Пока он успел развернуться и успокоить коня, я уже вошел следом и приказал Хаффуру поднять мост и закрыть врата.

Он смотрел на меня, и на лице его, скрытом забралом, поочередно отражались замешательство, недоверие, испуг — и

наконец решимость. Да, он не был трусом. Не всякий сумел бы держать себя так в логове колдуна.

На мгновение я ощутил гордость за своего сына.

— Это жалкий трюк, колдун, — глухо произнес он.

— Ты думаешь? Смотри, я перед тобой. Ни один рыцарь до тебя такой чести

— битвы со мной — не удостаивался. Всех приводил ко мне слуга, и против него они не выстаивали и того времени, которого не хватит, чтобы вздохнуть десять раз. Хочешь взглянуть на него?

Я шевельнул рукой. Открылась громадная дверь Главного зала, и Хаффур торжественно шагнул через порог. О да, он выглядел великолепно — черный демон с большими крыльями, с маской холодного презрения на лице. Хаффур не выносил одеяний, и поражал всем своим видом.

Рыцарь едва взглянул на него. Хаффур подошел ко мне и встал сзади, чуть левее. Я ощущал его готовность действовать. Демон Ночи чувствовал, что происходит нечто необычное, и не только из-за того, что я сам встретил рыцаря. Он чуял Силу в рыцаре, Силу, родственную моей, но еще не определившуюся. Хаффур был недалек от того, чтобы догадаться, кто этот юноша.

— К чему тебе слуга? — спросил рыцарь. — Разве ты сам не можешь справиться со мной?

Он был смел, этот юноша. Сознательно провоцировал меня. Ну что ж. Я вновь шевельнул рукой. Хаффур с недоверием посмотрел на меня, но я повторил приказ. Он недовольно ушел.

— Вот мы одни, — сказал я. — Что дальше?

— Будем биться.

— К чему? Исход тебе известен заранее. Хаффур сильнейший из моих слуг, но он слуга. Когда-то он был моим союзником. Еще раньше — учителем.

Нужно ли рассказывать, как он стал слугой?

Рыцарь не ответил ничего.

— Демон Ночи слаб передо мной. Как же ты хочешь справиться с величайшим колдуном мира? Ты думал, рыцарь, что сможешь воспользоваться своим даром, который изредка помогал тебе? — Он вытаращил глаза. — Да, я знаю.

Отчасти по этой причине я решил принять вызов. Хотя только отчасти, ведь многие, кто шел против меня, были магами. Они не смогли победить даже Хаффура.

— Может ли кто-нибудь победить тебя, колдун?

— Ты задаешь мне вопрос? Ты обезумел, рыцарь. Я думал, ты смел, а ты, оказывается, сошел с ума.

Да, я дразнил его. Он мрачно продолжал смотреть на меня.

— Ты же говоришь, что я нашел свой конец. Так почему бы

тебе не просветить меня насчет некоторых вещей?

— Ты прав. Знания — великая сила. Быть может, лишь знание да любовь сильнее магии. Это три древних начала, которые привели к рождению нашего мира. Пожалуй, я скажу тебе. Ни среди людей, ни среди эльфов, ни среди драконов, ни среди других народов нет мага сильнее меня. Такой будет в грядущем, но это случится не скоро. К тому времени все мы исчезнем. Даже я. Только в памяти людской останутся имена и деяния.

— Так неужели вообще нет силы, которая может победить тебя?

— Есть.

Я помолчал. Зачем я это говорю?

— Я уже ответил на твой вопрос. Знания и любовь. Знания порождаются Временем, и Время — мой главный враг вот уже тысячи лет. Ауреин, и я не знаю, кто из нас сильнее, я или он. Ауреин — вот олицетворение Времени, он Серый маг, и однажды мы столкнулись. В то время он был сильнее меня.

Сейчас, думаю, мы наравне. Я долго ждал схватки. Но теперь не знаю, зачем мне это нужно. Мне все равно не занять его места.

Рыцарь уже давно изумленно пялился на меня. Ему в диковинку были откровения правителя мира, который решил засомневаться в своих действиях. Верно, задавая вопрос, он не рассчитывал на ответ, да еще столь откровенный.

— Что же до второй силы… — Я взглянул на юношу. — Она меня уже победила.

Медленно, медленно я зашагал вдоль стены к причудливого вида окну, из которого открывался вид на бескрайнюю степь, которую когда-то заполняло море.

— Кажется, будто это было так давно, что эпохи прошли с тех пор. Я встретил ее, когда вышел в мир, чтобы узреть плоды деяний моих, поразмыслить, что нужно еще сделать. Что ж, я встретил ее, и полюбил.

Неожиданно для себя, для Хаффура, для мира, для всех. Неожиданно для Сил. Она тоже полюбила меня. Но она не знала, кто я, не об этом были наши речи. И когда открылся ей мой истинный облик, она ушла. Любая другая осталась бы, если не с радостью, то хотя бы из страха. Но она ушла.

— Зачем… — Голос его был хриплым, и рыцарь прокашлялся. — Почему ты рассказываешь мне это, колдун?

— Ты сам просил меня об этом. Впрочем, нет. — Я рассмеялся. — Разве я стал бы просто так выворачивать душу какому-то рыцарю, пусть даже и магу?

— Так почему?

Великая Тьма, как трудно иногда произнести слова. Смеяться

или молчать гораздо легче и спокойнее.

— Почему?

Когда он оставит меня в покое? Или нет. Я не хочу этого. Я не хочу покоя. Пусть он раздражает меня вопросами, на которые нет ответа. Тьма, о чем я? Он уже взросел. Что мне ему сказать?

— Ты действительно хочешь знать?

Теперь расхохотался он. Юноша понял, в чем юмор ситуации. Кто и когда так разговаривал с правителем мира? Даже Ауреин беседовал со мною иначе.

— Да! Да, забери тебя Тьма, хочу!..

Он осекся, когда я взглянул на него. Что же он почувствовал? Я — нежность. О Бесконечные Сумерки, я не смогу причинить ему вред. О Великая Тьма, где же тот колдун, которым я был когда-то? Свет Милосердный, чему началом послужило то событие, продолжение которого здесь и сейчас?

— Потому что имя ее — Лири.

Молчание. Он перестал дышать. Мое дыхание вообще не слышно. Где-то вдали грохотал гром, это Хаффур отводил душу.

— Лири?..

Я безмолвствовал.

— Мою мать зовут Лири.

Великая Тьма, у него мой взгляд!

— Это она?

Он велик, этот рыцарь, этот юноша, мой сын.

— Скажи мне, это она?

И я ответил:

— Да.

Ауреин, ты и благороден, и низок. Только Времени, великому интригану, по силам сотворить такое. А я еще считал себя равным тебе! О, если бы это было так! Как бы ты об этом пожалел, Дракон Времени…

— Да, это она. И ты…

— Нет! Этого не может быть!

Я усмехнулся.

— Все вы, люди, одинаковы. Не верите тому, что очевидно. Да, ты сын мне.

Сын, о котором я только сегодня узнал, когда увидел тебя. Все эти годы, что я пытался забыть Лири, она готовила мне напоминание о себе. Растила тебя.

— Это неправда!

— Взгляни на меня. Взгляни на себя. И поймешь, что я говорю истину. Да и подумай сам, с кем бы я еще стал беседовать так, как с тобой. С Хаффуром? Он слуга. С Лири? Я и сейчас не смогу говорить с ней столь откровенно. С другими рыцарями? С

ними я вообще веду беседу в одиночестве, а они молчат.

— Ложь!..

Я шевельнул рукой. Врата открылись бесшумно, как всегда. С легким стуком о другой край дороги опустился мост.

— Иди, сын мой. Я не могу причинить тебе вреда. Слишком далеко я уже ушел от путей Черной Магии. Я изменился. И… передай Лири, что я до сих пор жду ее. И буду ждать вечно.

Я завернулся в плащ и сотворил заклинание. Рыцарь тут же стал оглядываться по сторонам в поисках меня, хотя я не двинулся с места. Это было всего лишь заклятие невидимости.

Медленно, словно нехотя, юноша тронул поводья. Конь, все время нашей беседы с ужасом фыркавший и нервно переступавший ногами, с готовностью двинулся к вратам и быстро преодолел мост. Рыцарь развернулся и окинул взглядом Аурингард. Стоя на пороге, я смотрел, как он берет направление в сторону Энала, и дорожная пыль аккуратно ложится на землю, покрывая следы копыт.

Грянул гром. Первые капли дождя прибили пыль к дороге. Гроза пришла.

Демон Ночи Хаффур, пригнавший грозу, вернулся и с воплями недоумения и отчаяния стал кружиться надо мной, чуть не задевая своими черными крыльями. Он хотел что-нибудь сделать для меня, но не знал чего.

Неведомо было ему, что впервые за три тысячи лет я чувствовал себя умиротворенным.

О демон несчастный, не сознающий своего несчастья…

* * *

Люди — это странный народ. Худшие из них давно превзошли по своим мерзостям самые гнусные дела троллей, а ведь они повсеместно признаны ошибкой Создателя. И в то же время лучшие из людей стоят на такой высоте, что величайшие эльфийские властители смотрят на них с почетом, уважением и завистью.

Я взираю на мой мир из пространства вне его. Не существует для меня времени сейчас, вся бездна веков прошедших и грядущих сливается предо мной в одно мгновение, тянущееся из прошлого в будущее, неразрывное и нераздельное, неделимое целое сущности и бытия Эа. Отправная точка истории сливается с ее завершающим штрихом — и все начинается снова.

Снова, но не по-прежнему, ибо меняются разумные, вершащие свой путь, спешащие завершить неведомую им миссию

и возобновить ее опять. Тысячи и тысячи лиц и ликов сливаются в один, который предстает невообразимым образом некоего странного существа, имеющего черты всех их и — никого.

Драконы теряют свою устрашающую и восхищающую мощь, эльфы — очарование прекрасной расы, гномы — легендарную алчность и силу, люди — восприимчивость и приспособляемость, хайги и тролли — уродливость и коварство, брекки — благородство, майнары — древнюю память и разум…

Теряют — во всем этом клубке лиц, личностей и целых народов, теряют — но обретают в новом качестве нечто, складывающееся из лучших частей всего этого и приумножающееся ко славе и трагедии мира. Беспечно глядя на окружающее, в одиночестве существуют народы, не зная о том, что когда-то братство по разуму не было привилегией только людей, только эльфов или только драконов; и в странном перемирии десятков разных народов обретаются страны, путешествуя по которым попадаешь из ужасающих Пламенных гор Небесных Гномов в девственные леса дриад и бескрайние луга Арридов-Поклоняющихся-Солнцу. Все это сливается и преображается в один образ, образ бесконечно ненавистный и столь же необходимый, столь же долгожданный и искомый.

— Это должно было случиться, — говорю я ему, хотя голос здесь и не нужен. Ответ просто звучит в пространстве, окружая со всех сторон:

— Непременно.

— Уже было, и не раз.

— Было, но по-другому.

— Но это неважно.

— Да.

Я слежу за фиолетовыми зрачками, в которых когда-то давно многократно отражалось полуденное солнце, готовое скрыться за грозовыми тучами.

Сейчас в них не отражается ничего, здесь нечему отражаться. Здесь ничего и никого нет. Только я — и он.

— Зачем же это нужно?

— Чтобы все повторилось снова.

— И это есть…

— Таинство, которого провозвестником ты стал.

— Я не держу больше на тебя зла. В конце концов, ты скован своей свободой. Не хотел бы я знать, что значит видеть рождение и падение мира сотни и сотни раз.

— Не сотни. Больше. Много больше.

— Да. Много больше.

Золотые нити на его плаще поблескивали, хотя и не было

никакого света здесь, где никогда не присутствовали ни Великая Тьма, ни Милосердный Свет, а лишь Бесконечные Сумерки, вечно.

— То, что мне предстоит сделать…

— Неизбежно.

— Несмотря на то, что это мое решение?

— Ты принял его, когда пришло время.

— Я — марионетка?

— Нет. Ты — величайший маг.

— И все же я — исполнитель.

— Мы все исполнители. Даже я.

— Что же ты исполняешь?

— Время.

Он ничего не предпринял, не сделал даже шага, но начал медленно и неотвратимо удаляться от меня. Срок встречи истекал.

— Скажи мне…

— Все, что угодно.

— Кто из нас сильнее?

— Ты, — просто ответил он. И улыбнулся. Странно было видеть эту улыбку на лике без возраста, неподвластном ничему. Будто камень смягчился.

Впрочем, что там камень! Его существование — ничто по сравнению с этим ликом.

— Значит…

— Да. Кто говорит, что Время немилосердно? Спроси себя, смог бы ты быть на моем месте?

Я помолчал, размышляя.

— Наверно, нет. Не знаю.

— Вот видишь. Я скажу. Все бесчисленные воплощения Вселенной мы с тобой сменяем друг друга. И когда-то я был на твоем месте и задавал вопросы, а ты отвечал. Все было так — и не так, ибо ничто не повторяется, но ничто и не меняется. Кому дано постичь это? Когда он появится, завершится Великая Спираль. Что будет после — не знаю. Когда это произойдет? Когда угодно. Все бесконечное существует ради этого мига…

Он удалялся. Удивительно было это удаление. Я знал, что он уже далеко, но он не уменьшался, словно вырастал столь же быстро, сколь двигался прочь от меня, даже быстрее. Впрочем, ему это под силу. Время всеобъемлюще.

— Ауреин, — окликнул я его в последний раз.

— Слушаю тебя.

— Мы встретимся еще. — И это не был вопрос.

— Да. Мы встретимся в следующем Цикле. И через один. Мы будем встречаться бесконечно, как это уже бесконечно

происходит. И, быть может, однажды ты и займешь мое место. А я — твое. Как уже было. Но это произойдет еще очень нескоро.

— Когда?

— Очень нескоро, — донесся его ответ, который не был ответом. И Ауреин исчез. Растаял в пространстве, оставив меня в одиночестве. Встреча завершилась.

* * *

Что значит быть правителем мира? Повелителем мира? Это знают немногие.

Слишком мало их, и из Цикла в Цикл становятся ими одни и те же.

В силах моих изменить мир, и делал я это всю свою жизнь. Тот последний штрих, который наложу я на судьбу Земли, будут с недоумением изучать многочисленные историки и ученые. Но никогда никто не сумеет понять, что привело меня к этому деянию. К этому совершенно непонятному внешне действу, что совершу я пред тем, как уйти в тень и из тени этой наблюдать за миром в течение многих тысячелетий, спустя которые пробьет мой час, и я погибну вместе со старым миром. Придут новые боги, новые народы, новый мир — и я вновь возрожусь, чтобы очередной раз пройти тот жизненный путь, что мне предназначен.

Я стою в главной, средней башне Ауринграда. Демон Ночи Хаффур мрачно утвердился позади, слева от меня. Еще левее словно сросся с полом Ариус, не желающий присутствовать при этом, но не смеющий возражать и противиться мне. Справа расположились Меарсин и Сай, с интересом и любопытством наблюдающие за происходящим. Ланнис, смотрящий прямо на меня, находился напротив, у противоположной стены башни. Алареа возвышался слева от него, а Деспант — справа. Рахвис соседствовал с Алареа, а Валорет, великая, спокойная и милосердная Валорет — со способным исходить яростью Деспантом.

Новую Магию использовал я, Магию Равновесия, рожденную неистовством тишины внемирового пространства, в которой на нити Бесконечных Сумерек были поочередно нанизаны несовместимые и в то же время странным и удивительным образом дополняющие друг друга бусы Света и Тьмы. Заклятия же сплетены были из нитей Черной, Серой и Белой Магий, ныне подвластных мне полностью. Я плел эти заклятия, связывал узлы безуспешно ускользающих нитей, соединяя их вместе в один великий и неповторимый Узор, который существует с начала

мира, будет существовать до его конца, и никогда до того момента не будет более составлен, ибо просуществует весь этот срок. Узор власти, рабства и свободы одновременно. Узор всего и ничего. Бесконечности и ограниченности мира. Узор Времени.

Ритуальные песнопения давно завершились. Прошел черед мысленных наговоров. Закончились налагающие жесты. Начертаны все охранительные знаки, что сохранят Узор в целости на всем длительном и удивительно коротком пути мира.

Я вышел на середину комнаты, ступил на знак Завершающего Заклятия.

Стихии плотно окружили меня, закрыв от любых возможных посягательств на спокойствие, которые могут стать роковыми для мира в эти торжественные моменты. Впрочем, все и так замерло, каким-то образом предчувствуя небывалое событие.

— Этим словом я налагаю на Узор Времени последнее заклятье. И да удержит он все, что в него вложено. Лахни! — что значит: «Да будет так!»

Стихии расступились, угроза миновала. Но не завершилось еще чародейство великое.

— Я провозглашаю Высший Закон Магии, преступить который нельзя ни одному разумному этого мира. Я объявляю, что за любое действо магическое да будет совершивший его подвергнут испытанию, соразмерному совершенному. И в подтверждение этому Закону приношу я в жертву свою Империю.

Ярко замерцала паутина Узора — и пропала, оставив вместо себя слабый запах Магии. Странно. Я никогда не думал, что Магия пахнет.

По всем громадным просторам Ауранской Империи рушились сторожевые башни и крепости, осуществлявшие мою власть. Камни и бревна медленно расходились сами собой, и потолки падали вослед выбегающим обитателям крепостей и стражам башен. На местах сотен строений оставались лишь обломки дерева и камня.

Узор обхватил Землю плотно, захватив каждую пядь ее, не оставив без внимания ни моря, ни горы, ни глубокие ущелья. Куда скрылся его малый образ, неведомо никому, но этот громадный породил именно он.

Империя рухнула в мгновение ока, стоило лишь пожелать ее повелителю. Что ж, таково мое решение. Таково желание и веление Ауреина, к чьей воле я не могу не прислушаться. Ибо пришло время для этого. Ибо истекло детство мира. И наступает его юность. Юность, в которой нет места Ауранской Империи.

Еще одно слово осталось произнести. Одно. Лицом повернулся я к Замку, подобно дракону великому высящемуся на

одинокой скале предо мной.

Мрачные башни в безмерном одиночестве в небо упирались, в желании стихии покорить. Тысячелетия прошли, но ни одна Сила мира не подчинилась Властителю Замка этого полностью. Почти полностью — да…

Одно слово. И это завершит владычество Аура над миром.

— Лахни. — Что значит «Да будет так!»

Мягко дрогнула земля. Будто потеряв опору, рухнули башни, три в центре, словно главы драконьи, три по три с краев как когти чудовищные выглядевшие… В камень мелкий распались, никоим заклятием более друг с другом не сдерживаемые. С воем торжества взметнулись вверх, в небо, души и духи, бывшие замурованными в подземелиях глубоких и мрачных, освободившиеся ныне. Гулко упали стены, крыльями уложенные когда-то вокруг башен, эхом раскатились по земле, разваливаясь на части.

Тысячелетняя пыль облаком поднялась над развалинами, тучею черной сгустилась над руинами, скрывая от постороннего взора таинство разрушения, мистерию гибели и смерти. Да будет так…

Я ухожу. Мне больше нет дела до споров между Стихиями о том, было ли верным мое решение. Ланнис повергнет Хаффура и отправит его в изгнание, чем немало удивит меня, — из всех Стихий Ланнис всегда был слабейшей.

Возможно, Магия Узора — это его Магия.

Мне нет дела и до того, что одни Стихии опустятся до простых духов, а другие возвысятся до богов. А в один прекрасный и проклятый день будут объявлены выдумкой. Как и я сам. Впрочем, и это тоже меня уже не волнует.

Я посвящаю несколько десятилетий своей предстоящей, немыслимо долгой, даже по сравнению с уже прожитой, жизни молитвам Айнур и иду к Лири, к сыновьям-близнецам Хандари и Валдару. Кстати, сражаться со мной приходил Хандари.

Позже я удалюсь от суеты разумных и погружусь в созерцание, которое буду иногда прерывать для кратковременных попыток понять мир, в котором окажусь. Быть может, какой-то из них понравится мне настолько, что я останусь в нем надолго. Впрочем, минет и его время, и междоусобицы и войны сметут все на пути своем. Тогда вновь ожидание станет единственной заботой моего существования.

И лишь после того как мир трижды покроется пеплом, после того как Дракон пожрет самого себя, после того как древнее предательство обернется против предавшего, после того как вечность превратится в миг, а миг превратится в вечность, когда

исчезнет тень и мир приблизится к концу своему, завершится срок, предписанный мне в уплату за свершенное в бытность мою Императором Ауром, завершится и выпустит меня из священных объятий искупительного долга, который сам же и возложил я на себя.

Тогда вновь волен буду я в судьбе собственной, и Ауреин вернет спокойствие в сердце мое; Время излечит.

И что же останется выбрать еще, кроме смерти. Этого последнего пристанища страждущих, несчастных и счастливых, всех, всего и вся. Ведь и Стихии способны умирать. И Боги.

Чтоб возродиться, впрочем…

В бессмысленной суетности мира есть единственная мудрость, которую никогда не поколеблет никакой правитель, никакое божество или идея. Все преходяще, так же как и незыблемо. Все имеет свои сроки, и границы им — бесконечность. Мне ли не знать этого, бессмертному?.. Ах, ирония…

И узкая темная дорога завершится у края обрыва, за которым — степь. И по ней пролегают сотни путей, каждый из которых неповторим.

Се величие низости, торжественность шутки Вселенной. Воплощенное во всем единство противоположностей. Власть того, что не способно властвовать, над тем, что не способно подчиниться.

Это — владения Ауреина. Это — Время.

А на высокой скале, возвышающейся над степью напротив дороги, разрушенный останется замок.

Разрушенный — чтобы вновь оказаться восстановленным…

20 января 1995 — 25 октября 1996 года, Казань.

© 1995–1998, Richard White.

notes

Примечания

1

Разумные (эйани) — собирательный термин, подразумевающий разумные расы. В древности в Эрнине обитали десятки разумных существ разных видов, в основном негуманоидных. Всех их можно поделить на четыре класса — драконообразных (драконы, брекки, асвордины и др.), майнаров, гуманоидов (эльфы, хайги, люди и др.) и духов (Стихии, дриады и др.).

2

Айнур — в космологии древнего Эрнина дух женского пола, ответственный за отношения между людьми, в частности за любовь. Позже Айнур стала божеством любви в пантеоне богов-покровителей раннего Лангедана. В поздней мифологии Эаронда имя Айнур трансформировалось в Аниар (Авиар), и с таким именем богиня в двух своих ипостасях в течение последующих тысячелетий стала покровительницей любви духовной и плотской. (По «Мифам Эаронда» Алария Лонского, 9947 П.Э.)